

ВЕЧЕРНЯЯ УФА
г. Уфа
27 ДЕКА 1973
10.01

НЕСКОЛЬКО месяцев назад, во время летних гастролей, когда актеры Республиканского русского театра драмы в очередной раз вылезли из раскисшей дороги голубой «Урален», они, обозленные, взвинченные, вдруг услышали по радио весть, разом снявшую и усталость, и раздражение: Владимиру Прибылову присвоено звание заслуженного артиста республики. Спектакль в этот вечер игрался с особым подъемом.

Эта весть, как официальное признание несомненных заслуг актера и для редакции стала внешним побудительным мотивом интереса к его творчеству.

Путь от первого появления на сцене до признания Прибылов прошел за срок, которого многим хватает лишь на разбег,—за шесть лет, то есть, как видим, очень быстро набрал уверенность, оформился как актер. Истоки его нынешней творческой зрелости, конечно же, в одаренности, в трудолюбии, в добросовестности, но во многом и в биогра-

фии. Внешне она—обыкновенная. Еще в школе начал заниматься в самодеятельности, затем в Доме культуры «Строитель», в армии. Отслужив, работал в том же Доме культуры баянистом, поступил в Уфимское училище искусств, и—театр. Но кто сказал, что биография—это только то, что с тобой происходит. Биография—это и прочитанное, и прочувствованное, и продуманное.

Уже в училище искусств Прибылов пришел не юношей, чьи представления о работе актера замешаны на розоватом туманно-призрачных мечтах, а зрелым человеком, твердо знающим, чего он хочет добиться на сцене.

Именно человеческая зрелость, выверенность жизненного пути определили тот интерес, который вызвали первые же его работы (далее шло накопление, созревание, собственно, мастерства). За роль Нила, например, в «Мещанах» (а это всего только вторая роль Прибылова) он получил Дип-

лом на всесоюзном смотре горьковской драматургии.

Если пройти по цепочке образов, созданных Прибыловым за шесть лет работы, то в ней можно нащупать и слабые звенья, но стоит рассмотреть их пристальней, и видишь, что слабость эта не от творческой немоги, а часто, напротив, от избытка творческой энергии, неточно направленной и распределенной.

Сам Владимир Васильевич о роли Устименко в спектакле «Дело, которому ты служишь», говорит даже с болезненной какой-то гримасой, настолько она ему не нравится. И верно. Аморфность главной мысли

культуры. Недаром рецензенты отмечали подлинную интеллигентность этого простого советского парня, так органично сыгранного Прибыловым.

Когда рассуждаешь об актере, часто бывает просто необходимо заглянуть в то, что называют «творческой кухней» и что на самом деле представляет собой необычайно сложный, увлекательный, а порой и мучительный процесс поиска—поиска (да простится мне эта банальность) ключа к роли. Наверное, каждый актер приходит к пониманию своего героя (а без этого понимания нет полнокровной работы) по-своему. Есть такие, которые

недоучившийся студент, попал в один из морских рейсов за границу и там впервые затеял маленькую валютную операцию. С тех пор потянулась цепочка все более крупных и грязных преступлений, завершившаяся рядом изощренных убийств. Недаром прилипла к Синеглазову страшная кличка «Удав».

Сложность работы актера в том, что все это—за пределами сцены, вне развития действия. На сцене актер проходит, говорит несколько слов и только в них, этих немногих мгновениях сценической жизни, он может донести до зрителя страшную суть своего героя.

Главный поиск актера лежал опять-таки в сфере психологии.

Прорисовывалась такая ситуация: в заключении страшный преступник. Но он попал сюда не за самые главные свои злодеяния, а лишь споткнувшись на каких-то мелочах. Работники уголовного розыска знают, что Удав именно в этой колонии, но они не знают еще, что Удав и Синеглазов одно и то же лицо.

Перед актером встает вопрос: как будет вести себя в этой ситуации Синеглазов? Он мог бы вести себя и как бравировующий своей неустрашимостью, добивающийся положения вожака в этой волчьей стае, преступник, а мог бы пытаться нацепить на себя маску услужливости, демонстрировать раскаяние и осознание ошибок. Актер избрал третий путь. Синеглазов играет на незаметность. Его задача—продержаться, ничем не выдавать себя, ни одной мелочью не обнаружить, что Удав—это он и есть. Прибылов выбирает линию поведения, которая была бы предельно естественна для человека, который хочет казаться оступившимся случайно и уже нащупывающим верную жизненную дорогу.

В этом есть и детективный момент: зритель до самого конца не догадывается, кто же Удав, но главное, конечно, не это. Главное—та острота и глубина, с которой вскрывается истинное лицо Синеглазова.

Эта роль, как и многие другие, убедительно показывает, насколько глубоко опускает Прибылов психологический зонд в души своих героев.

Товарищи по театру говорят о исключительной скромности Владимира Прибылова, работоспособности, преданности любимому делу. Свести все богатство человеческой личности, а тем более личности творческой, к одному-единственному качеству нельзя. Но если все-таки поискать главные отличительные черты в характере Прибылова, то, видимо, можно сказать, что это зрелость и серьезность отношения к делу, к жизни, к профессии.

Л. ПЕТРОВА.

НА СНИМКАХ: сцены из спектаклей: «Три минуты Мартина Гроу», «Соловьиная ночь», «С повинной» (в роли Багрова—Ю. Пчелов).

Фото А. ВИНОГРАДОВА.

ЗРЕЛОСТЬ

спектакля (а это именно тот луч, в свете которого должна проступать фигура Устименко) предопределила психологически зыбкий рисунок роли. Но вот что примечательно: несмотря на многие и многие неровности исполнения, как бы пробиваясь сквозь них, актер силой внутренней своей убежденности создал пусть не всегда точный в деталях, но выразительный в целом образ человека, живущего по законам максимальной самоотдачи и требующего максимума отдачи от других. Можно по-разному оценивать и роль, и спектакль,—вне сомнения то, что накал бескомпромиссной жизни Устименко передан Прибыловым великолепно.

Наверняка остался в памяти уфимских театралов советский солдат Петр Бородин из спектакля «Соловьиная ночь».

Первый день мира. Маленький немецкий городок. Немецкая девушка Инга, одурманенная геббельсовской пропагандой, с ненавистью бросается на советского солдата, пытается убить его, а потом, чтобы закончить жизнь самоубийством, кидается в реку. Рискнув жизнью спасает ее Петр Бородин. Он, русский парень, у которого фашисты расстреляли мать и отца, открывает глаза озлобленной немецкой девочке, возвращая ее к жизни и в самом буквальном, и в переносном смысле. И к Инге приходит отрезвление, отрезвление человечности.

Война для Владимира Прибылова—это годы детства. Но впечатления того времени не забыты, и именно они помогли актеру выстроить этот образ, найти истоки неистребимой гуманности, доброты, способности отзываться на чужое горе, пронесенных через все ужасы и смерти войны. Актер находит эти истоки в самом строе нашей жизни, в которой гуманность—один из основополагающих принципов. Именно гуманность выработала в Бородине глубокую внутреннюю

ищут прежде всего внешние детали: манеру поведения, характерные жесты, особенности интонации. Прибылову важно, прежде всего, понять, каков его герой, что он за человек, и лишь потом—как выглядит, как одевается, как говорит.

Прекрасно иллюстрируют его поиск две работы—Дэвис («Три минуты Мартина Гроу») и Синеглазов («С повинной»).

Дэвис—один из тех американских воротил-бизнесменов, которые стоят за кулисами политических событий, но фактически управляют ими. Был способен показать его властным, резким, упиравшимся своим могуществом. Актер пошел по другому пути. Раздумывая над жизнью своего героя, мысленно погружаясь в его внутренний мир, он пришел к мысли: Дэвис должен вести себя иначе, ведь он не выскочка, для которого было бы естественно кичиться богатством и властью. В этой среде он вырос. И богатство, и власть для него естественны. Он привык к ним. Так же, как привык умываться, завтракать и обедать. И субъективно, в личных контактах Дэвис отнюдь не чудовище: он способен на сочувствие к окружающим, на заботу о них... до тех пор, пока поведение купленных им людей не приходит в противоречие с его интересами. Вот тут-то и вскрывается объективная его сущность. Заслуга актера в том, что он сумел увидеть и показать: такие, как Дэвис, страшны не столько в силу личных своих качеств, сколько как выразители социальной позиции—власть социальная.

Герой спектакля «С повинной» не совсем обычный для нашей сцены. В пьесе воссоздан мрачный мир отщепенцев—мир преступников, отбывающих заслуженное наказание. Среди прочих здесь Синеглазов—не совсем типичный представитель этой среды. Падение Синеглазова началось тогда, когда он,